

У НАС В ГОСТЯХ ПСИХОЛОГ

О. КАБАЧЕК,
заведующая отделом РГДБ

Библиотерапия как она есть*

Каковы психологические механизмы библиотерапии? В каких формах возможно ее осуществление? Без ответа на эти вопросы затруднена осмысленная целенаправленная работа в области «терапии книгой» в любой библиотеке – массовой или специализированной.

Важнейшим и популярным направлением в библиотерапии является «терапия творчеством» — собственное творчество пациентов, в той или иной степени организуемое терапевтом. Известный отечественный психиатр М.Е. Бурно, выбранный в прошлом году американскими коллегами Человеком года, в своих трудах обосновывает возможность и необходимость широкого использования творческого потенциала пациентов для повышения эффективности лечебного процесса. В коррекционной педагогике также общепризнанным ныне является привлечение детей к творчеству.

Чем это вызвано? Почему процесс библиотерапии не ограничивается только общением читателя с книгой, диалогом с автором? Почему неocenимую роль играет литературно-художественное творчество самого ребенка, то есть освоение им позиции автора на практике?

Ответ заключается в том, что именно эта позиция дает возможность человеку посмотреть на обстоятельства, события и отношения (даже самые драматические) объективно, всесторонне, то есть мудро. Автор творит гармонию из материала жизни, создает свою модель действительности, осмысляя и согласовывая каждый раз жизненные повороты, поступки, мотивы, чувства, идеи и человеческие отношения. Объективируя, материализуя в слове свои собственные переживания, психологические проблемы, установки и

взгляды, он добивается их гармонизации — то есть гармонизации своего внутреннего мира, уравновешивая его с Космосом. Но это совпадает с задачами терапии и с задачами воспитания личности, индивидуальности! Терапия творчеством и педагогика творчества не случайно признаны ныне уникальными средствами, факторами личностного роста — особенно если речь идет о ребенке, подростке.

Как же проявляется эта удивительная способность корректировать свой внутренний мир через творчество?

Во-первых, автор имеет возможность «отыграть» свои проблемы на том или ином материале, «антураже», организовав своего рода психодраму, театр души. Спрятанный за личиной героя (героев), переодевшись в чужое «платье», без страха быть разоблаченным, автор «сводит счеты» с другими персонажами и обстоятельствами. Это не только эмоциональная разрядка, но и последовательное осмысление непростых коллизий и отношений — особенно в случае, когда автор переходит (вынужден перейти всей логикой творчества!) с позиции своего «двойника», заместителя на позицию его оппонентов.

Более того. Объективированный в тексте жизненный материал рассматривается автором-рассказчиком не с собственной позиции, но с позиции читателя (другого); ведь художественный текст рождается в пространстве диалога, всегда имеет своего адресата (того, который не знает, о чем рассказывается) и всегда апеллирует к высшей понимающей инстанции, выступающей в роли судьи. Текст требует своего

* Окончание. Начало см. : Школьная библиотека. 2000. №3.

обоснования, он должен быть связан и логичен, внутренне правдив. В процессе такого обоснования выстраивания автором материала и происходит переосмысление своего жизненного опыта, изменение, личностный рост автора (ведь автор находится в диалоге со своим высшим «я»). Так перед сочинителем открывается возможность изменения своих установок, переосмысления своего отношения к травмирующей ситуации, другим людям, к миру в целом.

Следующий шаг в творческом процессе, который нередко происходит одновременно с первым (а в поэзии иногда даже предшествует ему), — это согласование всего материала будущего произведения, поиск стилистического (интонационного, то есть, по М.М. Бахтину, ценностного) единства — творение «микрокосма», живой, целостной, самодостаточной и одновременно развивающейся системы. А для этого автору необходимо достичь позиций мудрого, всепонимающего, вбирающего в себя целый мир «высшего» существа, творца, занять максимально высокую точку зрения на события, пережить полноту человечности. Это напряженный и радостный душевный и духовный труд, в котором задействованы все высшие способности личности. Для того, чтобы в процессе терапии творчества происходило переосмысление своего «дефекта», своей травмы, необходима коррекция эгоистических установок, бесплодной жалости к себе (а фактически, к своему низшему «я») и открытие ценности другого (других), ценностей мира, не противостоящего человеку, но родственного ему.

Произведение закончено. Оно прочитано.

Для ребенка и подростка огромное значение имеет достижение ощущения «я это могу», «мое творчество интересно и значимо для других». Это повышает самооценку, самоуважение, делает взгляд на себя, свое место среди других более оптимистичным — что особенно важно для ребенка с ограничениями в развитии.

Уже сам переход от репродуктивной (воспроизводящей) деятельности к продуктивной (творческой), смена позиции от потребителя к создателю производит переворот в сознании человека. Специалисты в области дефектологии и медицины нередко ограничиваются в терапии творчеством, этим благотворным этапом, считая, что важен сам процесс творчества, но не его результаты. Но «сверхкомпенсация» (достижение результатов, превышающих средний уровень) возможна и в этой области, и продукт творчества ребенка с нарушениями в развитии может обладать эстетической ценностью, быть интересен не только автору, но и другим. Ведь ребенок с особыми потребностями имеет специфический жизненный опыт — пусть в чем-то ограниченный, но по-своему уникальный. Непо-

вторим и взгляд на мир такой личности. Возможность для других людей — через продукт художественного творчества — присвоить это иное мировидение, иное отношение к привычным вещам и обогатить свой внутренний мир не должна быть отброшена. Человечество открыло в 20-м веке, что все мы — такие разные — нужны друг другу, все мы дополняем и обогащаем друг друга. Хотелось бы, чтобы отношение к творчеству лиц с особенностями развития в нашем обществе сменилось с жалостливо снисходительного на внутренне заинтересованное. (Как показывают исследования и разработки по развитию литературных способностей у детей — см. программы по начальному литературному образованию Т.С. Троицкой, В.А. Левина, Л.Е. Стрельцовой, Г.Н. Кудиной и З.Н. Новлянской и других — начинающий или юный автор обычно добиваются успеха в малых жанрах фольклора, в сказке, поэзии, пародии или стилизации).

Природа искусства, как известно, не утилитарна, непрагматична. Аристотель в своей «Поэтике» описывает катарсис как очищение души посредством переживания трагедии. Обеднением (пресловутым редуционизмом) является понимание литературного произведения только как учебного пособия с набором готовых житейских ситуаций и способов реагирования на них, пособия, предназначенного для «тренинга» умения достичь житейского успеха. В чем магия слова? Искусство выводит человека к лицемерию и сущностному переживанию самых глубин жизни. Подлинное художественное произведение всегда апеллирует к архетипам — общечеловеческим (или общенациональным) образам, несущим тысячелетний сгусток важнейших ценностей. Это глубокий язык искусства. Взаимодействие человеческой души с этими структурами и их нравственным зарядом потрясает ее, порождает катарсис — благотворный эмоциональный взрыв, способствующий реинтеграции личности, обретению ее связей с миром, открытию своей подлинной природы.

Очевидно, что это не приводит напрямую к жизненному успеху, но помогает человеку обрести смысл своей жизни, подняться над суетой, ложными стереотипами и ценностями, помогает увидеть в обыденном — вечное. Этим искусство дает надежду даже самым слабым и обделенным. В библиотерапевтической работе важно не упустить этот самый глубокий слой художественного произведения, открыть его вместе с читателем — пациентом или пациентом — автором (что само по себе является творчеством, иногда мучительным, но необходимым и, в конечном счете, целебным — ведь это ключ к человеческой душе). Педагогические приемы и методики работы с текстом должны, как вокруг ядра, собираться вокруг этого таинственного «театра архетипов».

Всегда ли необходимо их полное осознание ребенком, понимание всех его составляющих «пружинок»? Произведение искусства должно оставаться живым, дышащим, загадочным и завораживающим существом: и мера осознания тех или иных слоев, элементов произведения должна определяться каждый раз заново мастером — библиотерапевтом (совместно с пациентом), как и какой элемент произведения, какую «пружинку» необходимо затронуть при работе с произведением для того, чтобы включился эмоционально насыщенный процесс лечения книгой? — это и решается в ходе библиотерапии, это и делает ее не только наукой, но и искусством.

Владеть разнообразными средствами педагогического (и терапевтического) анализа произведения.

Интересоваться и восхищаться искусством как духовной ценностью.

Обладать развитым эстетическим вкусом (а, может быть, и литературно-творческими способностями), обеспечивая достойный выбор авторского или, при необходимости, адаптированного произведения (приоритет остается за адаптацией, щадящей нежную ткань текста).

Любить и уважать детей (всех без исключения).

Тогда процесс библиотерапии будет по-настоящему радостен и успешен. Искусство открывает путь к человеческой (Божественной?) мудрости, возвышению души, пониманию и принятию мира... Разве не нужна такая библиотерапия любому человеку?

Методики терапии творчеством многообразны. «Один из самых простых вариантов — попросить человека рассказать другую сказку про то же самое, — пишет сказкотерапевт Д.Ю. Соколов. — Может быть, в ней отыщутся новые ресурсы и решения, может быть, ... появится более важная тема.»

Популярны методики, основанные на продолжении начала истории: сочинительство с опорой на дидактический материал (игрушки или карточки с изображением персонажей — сказочных и реальных людей и животных, предметов, мест действия и целях ситуаций): сочинения по книгам В.Я. Проппа: использование «бинома фантазии» Дж. Родари (см. его книгу «Грамматика фантазии»)....Мы не перечислили и половины.

Приведем пример, основанный на использовании принципов гештальттерапии. Д.Ю. Соколов догадался повернуть в терапевтическое русло рисунки детей на конкурс «Катастрофы»: «...Мы садились с ребенком перед нарисованной им такой ужасной картиной и писали по ней рассказ — ну, что там произошло и так далее. А

потом просто эти рассказы продолжали. «Ну..., лес стал гореть, а что было дальше?»

И оказалось, что дети сами прекрасно придумывают продолжения, причем продолжения обычно счастливые... Оказалось, что в большинстве случаев стоит продолжить то, что казалось страшным, и оно проявлялось совсем по-другому и приводило к хорошему концу.»

<...> 5. Немного об изучении библиотерапевтического эффекта.

Как объективно определить, насколько глубоко влияние книги, художественного произведения и литературного творчества на состояние ребенка, его личностные установки?

Российская государственная детская библиотека провела экспериментально-психологическое исследование возможностей библиотерапевтического эффекта. В качестве испытуемых были выбраны учащиеся 1-х, 3-х, 4-х и 9-х классов московских школ. Для них был подготовлен блок методик, направленных на выявление не только читательской компетенции и литературно-художественных способностей, но и личностных установок. Непосредственно библиотерапевтический эффект отслеживался с помощью метода «провокации» внутреннего конфликта, нуждающегося в терапии творчеством. Использовалась следующая пара методик: тест «Единый свидетель» — на ориентировку значимой для школьников проблемной ситуации, содержащей моральную подоплеку, обострение внутреннего конфликта между «моралью товарищества» и «моралью послушания» (выбор между различными возможными вариантами поведения), и задание придумать начало и середину истории, завершающейся словами: «...И тогда дракон уплыл». Предполагалось, что недостаточно красиво решенная проблемная ситуация будет подспудно побуждать испытуемых искать более удачные решения — в процессе собственного литературно-художественного творчества. «Раскодировать» ход мыслей сочинителей было нетрудно, пользуясь языком символов и «формулой» народной волшебной сказки, открытой В.Я. Проппом.

Данные об испытуемых третьих-четвертых классов (156 человек) свидетельствуют о том, что только у 23 % детей в экспериментальной, проходившей специальное обучение (пропедевтику литературного творчества), и у 27 % в контрольной группах не было выявлено связи между двумя указанными заданиями: 48 % испытуемых (и в той, и в другой группах) неосознанно переносили, как бы накладывали нерешенную проблему на собственный текст про дракона, но при этом проблема оставалась нерешенной: 14% (13%) детей смогли этически грамотно решить нерешенную ранее проблемную ситуацию в процессе литературно-художественного творчества.

ственного творчества и столько же — 14 % (12%) детей решили ее предварительно, в ходе теста «Единственный свидетель».

Наиболее яркий пример «терапии творчеством» в форме перехода от этически неприемлемого решения конфликтной ситуации к этически безупречному — то есть от одного полюса шкалы, содержащей около 20 возможных решений, к противоположному — продемонстрировала в ходе тестирования одна из учащихся 9-го класса. После выполнения теста «Дракон» она сама попросила разрешения кардинально изменить свой ответ в тесте «Единственный свидетель»: перейти не больше не меньше как от варианта с наущничеством к варианту, содержащему пример самопожертвования.

От чего же зависит способность решать свои психологические проблемы в процессе литературного творчества (то есть библиотерапевтический эффект)? Специально разработанный нами тест, выявляющий характер ценностных ориентаций, помог дать ответ на этот вопрос.

Дети, сразу решившие предложенную им моральную задачу, чаще обладали высоким уровнем духовного развития (предпочитали высшие человеческие ценности), в то время как не решившие сразу моральную задачу — напротив, невысоким уровнем духовного развития (предпочитали «потребительские» ценности). И наоборот, дети с невысоким уровнем духовного развития еще реже находили ответ на моральную дилемму (или их ответы не обнаруживали связи между ориентировкой в моральной ситуации и собственным литературным творчеством), чем все остальные ребята (решившие нравственную задачу с самого начала или в процессе литературного творчества).

Выявилась и связь между уровнем литературно-художественного развития детей и библиотерапевтическим воздействием (как следствием умения в процессе литературного творчества разрешать актуальные психологические проблемы).

Так, испытуемые, обладающие низким уровнем развития литературных способностей, чаще занимали в собственном творчестве отстраненную позицию по отношению к описываемым событиям либо не могли решить спровоцированную предыдущим тестом проблемную ситуацию, в то время как дети, обладающие средним или высоким уровнем развития литературно-творческих способностей, напротив, чаще благополучно разрешали в процессе собственного творчества актуализированную проблемную ситуацию. (Интересно, что для девочек более характерна, в отличие от мальчиков, не отстраненная, но «включенная» позиция, что способствует достижению библиотерапевтического эффекта).

Для выявления того, как читательская компетенция влияет на библиотерапевтический эффект, помимо контрольной группы детей из московских школ и УВК, была специально обследована экспериментальная группа — учащиеся 3-х классов, 3 года занимающиеся в эстетическом отделе РГДБ по специальной «Программе творческого развития личности ребенка в библиотеке»; кроме того, в блок методики, предлагавшихся испытуемым, были включены тесты, выявляющие читательские особенности (а, точнее, степень развития эстетических установок, восприятия книги как явления культуры). Был выделен интегральный показатель развития эстетических установок: наличие хотя бы одного из следующих определений «настоящей книги» в ответах испытуемого: «написана живым, разговорным языком», «заставляет много размышлять», «ставит вопросы», «привлекает позицией, личностью автора», «не похожа на другие книги».

Оказалось, что те, кто не смог решить проблемы, спровоцированные тестом «Единственный свидетель», в ходе собственного литературного творчества, в отличие от тех, кто смог эти проблемы решить, не столь развиты эстетически. И наоборот, обладающие неразвитостью читательских установок чаще не могут решить свои психологические проблемы в ходе литературно-художественного творчества, в отличие от тех, кто обладает высоким уровнем читательского развития (они обычно либо тем или иным путем решают свои проблемы, либо у них не замечена связь между этими двумя видами деятельности).

Интересно, что все дети, которые способны решать психологические проблемы с помощью литературно-художественного творчества, подчеркнули такое определение книги, как «имеет счастливый конец» (в отличие от тех, кто либо не умеет решать психологические проблемы в процессе библиотерапии, либо их уже решил в ходе первого теста, либо не продемонстрировал взаимосвязь между обоими заданиями). Вероятно, отсутствие счастливого конца в книге для детей 8-9 лет является препятствием для «включенной» позиции, для идентификации с персонажами произведения, что не может не снижать библиотерапевтический эффект. Выявилось также, что наличие ответов «сочувствие героям» и/или «сильные переживания» в тесте «Настоящая книга», то есть в осознание «эмпатической» установки, в экспериментальной группе детей непосредственно связано с умением решать свои психологические проблемы в ходе литературно-художественного творчества. В отличие от ребят из контрольной группы, у них была отмечена прямая зависимость между умением решать свои

проблемы в процессе терапии творчеством и осознанием «эмпатической» читательской установки (дети, не имеющие осознания этой установки, оказались не способны решать свои проблемы путем порождения собственного литературного текста).

Следовательно, систематическая целенаправленная пропедевтика литературного творчества (и особенно непосредственное занятие им, то есть литературно-художественная деятельность) приводит к развитию читательских установок, появлению не только у девочек (в целом лучше осознающих «эмпатическую» установку), но и у мальчиков осознания своей потребности сопереживать литературным героям и испытывать от книги сильные чувства. А это, в свою очередь, способствует достижению библиотерапевтического эффекта.

Краткий вывод из данных нашего исследования: имеются, по крайней мере, два факто-

ра, ответственные за проявление библиотерапевтического эффекта, — уровень духовного развития и читательская компетенция, развитие специфических эстетических установок.

Библиотерапия существует, развивается и завоевывает все новых сторонников.

От редакции: Подробно о библиотерапии вы можете прочесть в сборнике «Коррекционно-развивающая работа с детьми и подростками в библиотеке» Вып.3. Основу выпуска составляют доклады участников Международного проблемного семинара «Библиотека как среда развития и терапевтического воздействия: библиотерапия в детской библиотеке»

Если такая книга нужна для читателей вашей библиотеки, сообщите об этом по адресу редакции. Мы собираем заказы на издание данного сборника.

КАЛЕНДАРЬ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ДАТ 2001

ЯНВАРЬ

Решение ООН: 2001 год — год диалога между цивилизациями

Решение Юнеско — год волонтера

В Европе — год языков

1	105 лет со дня рождения русского кинорежиссера-документалиста Дзиги Вертова (Дениса Аркадьевича Кауфмана) (1896 — 1954)
3	65 лет со дня рождения русского поэта Николая Михайловича Рубцова (1936 — 1971)
4 — 10	Неделя науки и техники для детей и юношества. Неделя “Музей и дети”
6	90 лет со дня рождения русского киноактера Крючкова Николая Афанасьевича (1911 — 1994)
7	170 лет со дня рождения немецкого композитора, пианиста и дирижера Иоганнеса Брамса !1831 — 1897)
8	День детского кино; 55 лет со дня рождения русского детского писателя, переводчика Михаила Давидовича Яснова (р. 1946)
10	105 лет со дня рождения русского детского писателя Михаила Ильина (Ильи Яковлевича Маршака) (1896 — 1953)
12	255 лет со дня рождения швейцарского педагога Иоганна Песталоцци (1746 — 1827) 125 лет со дня рождения американского писателя Джека Лондона (Джона Гриффита) (1876 — 1916) 95 лет со дня рождения русского поэта Даниила Ивановича Хармса (Ювачева) (1906 — 1942) 65 лет со дня рождения латышского композитора Раймонда Паулса (р. 1936)